

Не в духе

Становой пристав Семен Ильич Прачкин ходил по своей комнате из угла в угол и старался заглушить в себе неприятное чувство. Вчера он заезжал по делу к воинскому начальнику, сел нечаянно играть в карты и проиграл восемь рублей. Сумма ничтожная, пустяшная, но бес жадности и корыстолюбия сидел в ухе станowego и упрекал его в расточительности.

Восемь рублей экая важность! заглушал в себе Прачкин этого беса. Люди и больше проигрывают, да ничего. И к тому же деньги дело наживное... Съездил раз на фабрику или в трактир Рылова, вот тебе и все восемь, даже еще больше! Зима... Крестьянин, торжествуя... монотонно зубрил в соседней комнате сын станowego, Ваня. Крестьянин торжествуя... обновляет путь...

Да и отыгаться можно... Что это там торжествуя?

Крестьянин, торжествуя, обновляет путь... обновляет...

Торжествуя... продолжал размышлять Прачкин. Влепить бы ему десяток горячих, так не очень бы торжествовал. Чем торжествовать, лучше бы подати исправно платил... Восемь рублей экая важность! Не восемь тысяч, всегда отыгаться можно...

Его лошадка, снег почуя... снег почуя, плетется рысью как-нибудь...

Еще бы она вскачь понеслась! Рысак какой нашелся, скажи на милость! Кляча кляча и есть... Нерассудительный мужик рад спяну лошадь гнать, а потом как угодит в прорубь или в овраг, тогда и возись с ним... Поскачи только мне, так я тебе такого скипидару пропишу, что лет пять не забудешь!.. И зачем это я с маленькой пошел? Пойди я с туза трэф, не был бы я без двух...

Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая... бразды пушистые взрывая...

Взрывая... Бразды взрывая... бразды... Скажет же этакую штуку! Позволяют же писать, прости господи! А всё десятка, в сущности, наделала! Принесли же ее черти не вовремя!

Вот бегают дворовый мальчик... дворовый мальчик, в салазки Жучку посадив... посадив...

Стало быть, наелся, коли бегают да балуется... А у родителей нет того в уме, чтоб мальчишку за дело усадить. Чем собаку-то возить, лучше бы дрова колот или Священное писание читал... И собак тоже развели... ни пройти, ни проехать! Было бы мне после ужина не садиться... Поужинать бы, да и уехать...

Ему и больно и смешно, а мать грозит... а мать грозит ему в окно...

Грози, грози... Леня на двор выйти да наказать... Задрала бы ему шубенку да

чик-чик! чик-чик! Это лучше, чем пальцем грозить... А-то, гляди, выйдет из него пьяница... Кто это сочинил? спросил громко Прачкин.

Пушкин, папаша.

Пушкин? Гм!.. Должно быть, чудак какой-нибудь. Пишут-пишут, а что пишут и сами не понимают. Лишь бы написать!

Папаша, мужик муку привез! крикнул Ваня.

Принять!

Но и мука не развеселила Прачкина. Чем более он утешал себя, тем чувствительнее становилась для него потеря. Так было жалко восьми рублей, так жалко, точно он в самом деле проиграл восемь тысяч. Когда Ваня кончил урок и умолк, Прачкин стал у окна и, тоскуя, впери свой печальный взор в снежные сугробы... Но вид сугробов только растеребил его сердечную рану. Он напомнил ему о вчерашней поездке к воинскому начальнику. Заиграла желчь, подкатило под душу... Потребность излить на чем-нибудь свое горе достигла степеней, не терпящих отлагательства. Он не вынес...

Ваня! крикнул он. Иди, я тебя высеку за то, что ты вчера стекло разбил!